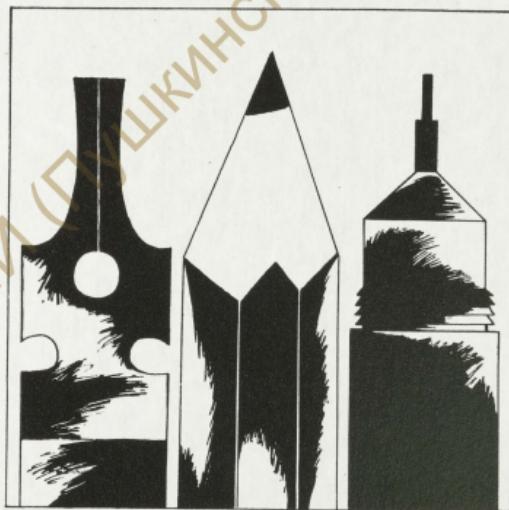

Ф.627
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
от 2
нн 71-73

ПАПКА ДЛЯ БУМАГ

167и.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Херсон
22 июня
1903

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Н.Н.
1903 № 6.

МЕДВЕДЮШКА.

57

Ласку Елисееву
от Искренно любящего
Андр. Ремезов

Медвѣдюшка.

Галинъ сонъ.

Гали проснулась.

Бы дѣтской душно. Нянка Прасковья храпит и задыхается. Лампадка нагорѣла; красное пламя то вспыхнет, то погаснет.

Гали никакъ не можетъ заснуть, ей страшно и жарко.

— Папа пришелъ сегодня поздно, вспоминается ей, я собиралась ложиться спать, онъ и говоритъ: «Смотри, Гали, на небо, звѣзды упадутъ!» И мы съ мамой долго стояли; въ окно глядѣли.

Звѣзды такія маленькия, а золотой воды въ нихъ много, какъ въ брошикѣ у мамы.

У окна холодно, тамъ долго нельзя стоять.

Когда идешь съ папой къ ранней обедне, тоже холодно: колоколь звонитъ, какъ къ покойнику.

Прасковья вчера рассказывала, будто цокойникъ Иван Степановичъ рукой во снѣ ее ловить...

А звѣзды много на небѣ, все они разговариваютъ, только не слыхать.

Дядя говорить, что летаетъ къ нимъ и ночью слушаетъ, какъ онѣ поютъ тонко-тонко.

Днемъ ихъ пѣть, спятъ.

Тоже и я полечу, только бы достать золотыя крылья...

А папа подошелъ и говоритъ: «Гали, звѣзда падаетъ!» И золотая ленточка горѣла на небѣ и пропала.

Холодно теперь звѣздочки, гдѣ-нибудь лежить и плачетъ.—

Галь такъ страшно, замира:

— Попить, няня, пе-чи-ти!

И когда нянка подаетъ ей кружку, она жадно пьетъ, вытягивая губки.

Теперь она свернулась калачикомъ и заснула.

Она летить куда то, попадаются ей навстрѣчу звѣздочки, протягиваютъ свои золотыя лапки, сажаютъ по очереди къ себѣ на плечи и кружатся, а мѣсяцъ гладитъ ее по головкѣ и тихо шепчеть на самое ушко: «Гали, а Гали, вставай, солнышко проснулось, вставай, Гали!»

Гали щурить глазенки, а все будто летить.

Что тебя не добудишься, вставай скорѣй! — кричитъ мама, она наклонилась надъ кроваткой и щекочетъ Гали.

* * *

А звѣздочка долго летала и упала, наконецъ, въ лѣсъ, въ самую чащу, гдѣ старыя ели сплетаются своими мохнатыми вѣтвями и гудятъ подъ тяжестью сизѣнныхъ оковъ.

Происнула густой, сизый дымъ, поползъ по небу.

Вышло и солнце изъ своего хрустального терема нарядное, въ красной шубкѣ, въ парчевой шапочкѣ.

Прозрачная, съ синими улыбающимися глазками, лежить звѣздочка неподалеку отъ заячьей норки на мягкихъ иглахъ; усталая ея грудка вдыхаетъ морозную свѣжестъ.

А солнышко походило—походило надъ лѣсомъ и ушло домой.

Поднялись тучи, залегли по небу, стало смеркаться. Дребезжашимъ старческимъ голосомъ затинуть вѣтеръ свою старую пѣсню.

Глухая метель прискакала, закричала.

Спѣть заплакать.

Дремлетъ звѣздочка, оттаившая слезинка катится по ея щекѣ и замерзаетъ.

Письму Елисееву,
в такъ блестяще
А. Климу.

На этапѣ.

I. Въ вагонѣ.

Открыты окна.

За вагономъ летить солнце, блестящее и еще холодное, а лучи бьются о рѣшетки, оставляя сѣрый, усыпаный мельчайшими блестками налетъ.

Мелькаютъ сонные поля высокаго, желтаго хлѣба.

Вагонъ просыпается: соопѣть, кашляютъ, пллюютъ выходять и приходять, качаясь, цѣпляясь за ноги.

— Осеню-то ъхать—и не доживешь!—говорить сморщенная старушенка, пережевывая корку.

— Чего не доживешь-то, тридцать годовъ хожу во всѣ времена года—живъ, цѣль и невредимъ!—отзываются старикъ Яшка.

Онъ важно пьеть чай, со вкусомъ присасывая саарь. Бѣлая оправа очковъ приросла къ носу и передходить въ длинную бѣлую бороду, позеленѣвшую у губъ.

— Молодому куда еще, а мнѣ на седьмой-то десятокъ... Господи, всю-то разломило...

Заплакали дѣти, поднялись бабы, заорали.

Когда же немногого пріутихло, послышался подъ стукъ колесъ голосъ Яшки: онъ роется въ своеемъ мѣшкѣ и ухмыляется.

— Книги, вотъ эти, получиль я отъ самого господина начальника. Проповѣдникъ былъ, агличанинъ... „Познаніе говорить, усмирить чувство твое и осво-